

НАКАНУНЕ

NG Exlibris (прод. к Независимой), -2005-20 окт. -с.3

Гитлер, Геббельс и Рифеншталь

Мемуары самого одиозного режиссера XX века

Лени Рифеншталь

В издательстве «Ладомир» готовится к выпуску книга воспоминаний Лени Рифеншталь (перевод Ю.И. Архипова). Рифеншталь (1902-2003) – актриса, танцовщица и художница, впоследствии режиссер, «любимый режиссер Гитлера». Автор самого великого и одиозного документального фильма «Триумф воли». После войны была арестована, четыре года провела в тюрьмах, в 1952 году обвинения в пособничестве нацистам были с нее сняты. Автор фильмов «Олимпия» (о берлинской Олимпиаде), «Подводный мир» и др. Книга выйдет в серии, в которой ранее вышли «Теорема» П.-П. Пазолини и «Романески» А. Роб-Грийе.

Фюрер хочет поговорить с вами

Шла последняя неделя августа 1933 года, когда меня по телефону пригласили в рейхсканцелярию на обед. Не ожидая ничего хорошего, я поехала на Вильгельмштрассе. Меня встретил Брюкнер и указал место за длинным столом. Собралось уже примерно тридцать-сорок человек, большинство в форме штурмовиков и эсэсовцев, лишь несколько человек были в гражданском. Будучи единственной женщиной, я чувствовала себя очень неловко. Кроме адъютантов Брюкнера и Шауба, я не знала никого из собравшихся. Когда в помещение вошел Гитлер, его приветствовали поднятой рукой. Он занял место у главы стола, за которым велись оживленные разговоры. Но вскоре был слышен только его голос. Меня занимала одна мысль: почему меня пригласили сюда?

По окончании трапезы присутствующие разделились на группы. Ко мне подошел Брюкнер и сказал:

– Фюрер хочет поговорить с вами. Он провел меня в соседнее помещение. У небольшого стола стоял слуга, готовый подать кофе, чай или минеральную воду. Через некоторое время вошел Гитлер и поздоровался со мной. Был он, судя по всему, в хорошем настроении. Первый же его вопрос привел меня в смущение:

– Я пригласил вас, чтобы узнать, как далеко продвинулась подготовка к фильму о партийном съезде, а также о том, доста-

Лени Рифеншталь. Мужчины вокруг нее еще не в мундирах.

Фото 30-х годов.

Ни Брюкнер, ни я не отважились возражать.

– Это ужасно, что бойкотирую мое поручение, – добавил Гитлер.

Резким голосом он велел Брюкнеру позвонить доктору Геббельсу и передать, чтобы он немедленно дал поручение господина из отдела кинематографии оказывать мне всемерную помощь при работе в Нюрнберге.

Тут, сильно разволнованная, я сама прервала Гитлера:

– Мой фюрер, я не могу принять это поручение – я никогда не видела партийного съезда и не знаю, что при этом происходит, к тому же у меня нет никакого опыта съемки документальных фильмов. Будет все же лучше, если их станут снимать члены партии, которые знают материал и рады получить подобное задание.

голова, все будет хорошо. Уже сегодня получите всю необходимую информацию».

Фюрер явно не понимал, насколько несчастной должна была сделать меня его просьба. Ведь я хотела быть только киноактрисой. Это поручение было больше обузой, нежели почетным заданием, как часто утверждали впоследствии.

Приехав домой, я нашла в почте письмо от руководства киностудии УФА, в котором сообщалось, что проект фильма «Мадмуазель Доктор» не может быть реализован. Министерство обороны запретило съемки шпионских фильмов. Как обухом по голове ударили! Я была в отчаянии.

В уведомлении отдела кино содержалось приглашение в Нюрнберг. Мне надлежало связаться с ними. На руках у меня не

звала Вальтер Френц, впоследствии он стал одним из лучших моих операторов. Потом удалось по телефону пригласить еще двоих, в том числе и Эппа Альгайера, опытного оператора, снявшего первые горные фильмы Фанка. Киноплёнку я получила от фирмы АГФА, с которой у меня сложились хорошие отношения еще со времен «Голубого света». Так как никто мне не помогал, я позвонила отцу и попросила отпустить на шесть дней брата Гейнца – у меня ведь не было даже ассистента. Кроме того, отцу пришлось дать мне взаймы, чтобы я могла начать работу. Когда мы приступили к съемкам, штаб нас состоял из пяти человек: троих кинооператоров, моего брата, ведавшего финансами, и меня. Ситуация анекдотическая.

В первый день мы снимали только старые, украшенные флагами и гирляндами дома Старого города и еще не законченные трибуны. Со второго дня съемки стали сплошной мукой. Отговсюду, где бы мы ни вставали, нас прогоняли штурмовики или эсэсовцы. У нас не было никаких пропусков, и потому мы не могли ничего сделать. На третий день произошел очень неприятный инцидент. Мне велели прийти к Рудольфу Гессу, который холодно приветствовал меня и сразу же перешел к делу:

– Один из наших штурмовиков передал мне, будто вчера в середине дня в поргребке ратуши, где вы сидели за столом с господином Шпеером и статс-секретарем Гуттерером, вы громко заявили, что фюрер будет плясать под вашу дудку, а также высказали критические замечания в его адрес. Я должен предупредить, чтобы впредь вы не смели говорить о фюрере в такой непочтительной манере.

– Вы считаете, я способна на подобное?! – возмущенно воскликнула я.

Гесс сказал:

– Человека, который сообщил мне об этом, я знаю, он не лжет и не мог такое придумать.

– Но это гнусная ложь! – Я была вне себя от ярости. – Я не произнесла ни слова о Гитлере.

Гесс пренебрежительно бросил:

– В устах актрисы подробные выражения меня не удивляют... но, – добавил он уже более спокойно, – само собой разумеется, я опрошу господ Шпеера и Гуттерера как свидетелей.

Не попрощавшись, я вышла из помещения, громко хлопнув дверью.

До сих пор мне еще не приходилось сталкиваться с подобными интригами. Этот случай по-

тряса меня настолько, что я целый день не выходила из гостиницы. Мало утешало и то, что на следующий день Шпеер и Гуттерер сказали мне, что Гесс им поверил и извинится передо мной. Куда я пошла? Какие козни тут затеяются против меня? Вполне возможно, что за этим стоял Геббельс. Операторы рассказывали, что всякий раз, когда они собирались начать съемку, он демонстративно поворачивался спиной.

Геббельс, отвергнутый любовник

Из-за этих волнений в последний вечер в Нюрнберге у меня случился нервный криз. Я упала в обморок и, когда очнулась, увидела, что у кровати стоят брат, врач и человек в партийной форме. Когда он назвал свое имя, у меня мурашки пошли по коже – это был Юлиус Штрайхер, вождь франкконцев и издатель гнусной антисемитской газетки «Штурмер». Именно он позвал врача и казался очень озабоченным моим состоянием. После того как доктор обследовал меня и ушел, я сказала Штрайхеру:

– Как вы только можете выпускать такую ужасную газету, как «Штурмер»?

Штрайхер рассмеялся и ответил:

– Газета писана не для таких умных людей, как вы, а для сельского населения, чтобы даже крестьянские девушки знали разницу между арийцами и евреями.

– Тем не менее, то, что вы делаете, ужасно, – ответила я.

Все еще продолжая смеяться, он, прощаясь, сказал:

– Желаю вам быстро поправиться, фрейлейн Рифеншталь.

Партийный съезд закончился, уже уехали и три моих оператора. Доктор прописал мне отдых и максимальную осторожность. Но как я могла оставаться спокойной? Я стояла перед грудой разногласий. Моя блестящая карьера танцовщицы, актрисы и начинающего продюсера в Германии, казалось, подошла к концу. Ибо противостоять власти министра пропаганды, которому подчинялась вся германская кинопромышленность, театры и пресса и который – как отвергнутый любовник – начал ненавидеть меня, не было никаких шансов.

Едва я успела возвратиться в Берлин, меня пригласили в рейхсканцелярию. Как и в прошлый раз, я была единственной женщиной среди сидящих за большим столом, и снова тон задавал фюрер, которому временами вторил доктор Геббельс, к моему ужасу, на сей раз присутствовавший на обеде. Когда стол убрали, меня, как и при первом пригласении, провели в уже известную мне соседнюю комнату. Через некоторое время в ней появился Гитлер в сопровождении министра пропаганды.

Последовала неприятная сцена. Невнясное напряжение и Геббельс пытались скрыть от Гитлера.

– Расскажите мне, – сказал Гитлер, – как обстояли дела в Нюрнберге?

Тут я уже больше не могла владеть собой. Я возбужденно сообщила ему обо всем: какие унижения, каверзы и отказы я пережила в Нюрнберге, не забыла и странного допроса Рудольфом Гессом. С трудом сдерживая слезы, я едва ли была способна произнести еще хотя бы слово. Лицо Гитлера побархотало, а Геббельс побелел как мел. Гитлер вскочил из-за стола и сказал Геббельсу резким тоном:

– Доктор, вы несете ответственность за то, что произошло. Чтобы этого больше не повторилось! Фильм о всегерманском съезде партии делает фрейлейн Рифеншталь, и никто другой, – это мой приказ.

В отчаянии я воскликнула:

– Я не смогу это сделать, я не умею!

– Сможете. Сожалею о том, что вам пришлось пережить, это больше никогда не повторится.

После чего Гитлер попрощался и покинул помещение, не удостоив Геббельса взглядом. Тот с окаменевшим лицом также вышел из комнаты.

Я возвратилась домой в полнейшем расстройстве. Тут звонил телефон. Мне приказали немедленно явиться в Министерство пропаганды – министр желает говорить со мной. Я приготовилась к худшему. Помчалась на такси. Когда я вошла в большой кабинет Геббельса с лицом, искаженным от ярости, пошел мне навстречу. Он закричал:

– Не будь вы женщиной, я спустил бы вас с лестницы. Как вы смеете чернить моих людей перед Гитлером? Я ваш начальник, вы должны обращаться ко мне.

С дрожью в голосе я попыталась объяснить:

– Фюрер ведь предложил мне сообщить ему о работе в Нюрнберге, и вы, господин министр, присутствовали при этом.

Геббельс прошипел, придя в бешенство:

– Вы опасный человек, доносчица. Идите! Я не могу вас больше видеть!

В мою память врезалась каждая деталь этой встречи, дата тоже. Это произошло 13 октября 1933 года, в день, когда доктор Геббельс поехал в Женеву, чтобы

объяснить на конференции по разоружению о выходе Германии из Лиги Наций.

Вас будут охранять круглые сутки

Через несколько дней меня посетил некто господин Кнаас, сотрудник отдела кино Минпропа. Он заявил, что ему поручено помогать мне в дальнейшей работе над фильмом о партийном съезде, и попросил составить перечень всех расходов, которые мне должны компенсировать. Итого, я уже больше не могла уклониться от выполнения этого заказа.

На копировальной фабрике в мое распоряжение выделили рабочее помещение, но комната была настолько примитивна и мала, что в ней не уместился даже монтажный стол – его пришлось поставить в неработающий грузовой лифт, у которого сняли двери. К счастью, в помощники я получила симпатичную и толковую ассистентку, Эрну Петерс, ставшую на десятилетия моей самой незаменимой сотрудницей, которая сохранила мне верность и после войны и с которой меня и по сей день связывает дружба. Она делала контактными способом контрольные отпечатки с негативов.

Без всякого желания я начала сортировать отснятую пленку, пытаюсь смонтировать хоть что-то подходящее. Поскольку у фильма не было никакого сюжета и сценария, я могла только попытаться так расположить кадры, чтобы в результате возник оптический эффект смены образов и определенных ритма. Столь частый упрек, будто я делала пропагандистские фильмы, – нелепость. То было документальный фильм, а это большое разноречие, в том числе и члены партии, не давал мне никаких указаний, как я должна снимать. К тому же не было и постановочных сцен. На предостановленной в мое распоряжение пленке – всего-навсего 12 тысяч метров – зафиксированы лишь кадры, снятые в ходе съезда. Во время работы я ни секунды не помышляла о пропаганде партийных идей.

Однажды, когда я работала на копировальной фабрике, раздался настойчивый телефонный звонок. Звонил Рудольф Дильс, шеф Тайной государственной полиции. Он хотел поговорить со мной. Что это должно было значить, чего хотело от меня гестапо?

Было уже поздно, когда я приняла господина Дильса, – засиделась за монтажным столом до ночи.

– Сожалею, что зашел к вам в неурочный час, – сказал он, – но это настолько неотложно, что я не хотел терять времени.

– Что у такого сделала? – по-прежнему спросила я.

– Вам не нужно ничего опасаться, речь идет лишь о вашей безопасности. Мне поручили немедленно взять вас под свою защиту.

– Кто вам это поручил?

– Мой шеф, – ответил он, – рейхсминистр Геринг.

– Это, наверное, шутка. От кого меня нужно защищать?

– Об этом я ничего не могу вам сказать. Вы можете доверять мне. (...)

Предложил Дильсу немного выпить, я вспомнила о том, что всего несколько дней тому назад сказал мне Эрнст Удет: «Ты должна поостерегаться: у тебя есть враги, которые даже посягают на твою жизнь». – «Но почему?» – испуганно спросила я. «Гитлер слишком тебя ценит, – ответил Удет. – Опасаются, что ты можешь как-то влиять на него, этого не хотят допустить». – «И кто

же это может быть?» Удет ответил: «Поговаривают, что они из штурмовых отрядов».

Тут вспомнилась сцена с Гессом, который сказал, что меня обвинил кто-то из штурмовиков. Мне стало страшно.

– Как вы можете защитить меня? – спросила я Дильса.

– Вас будут охранять круглые сутки. Вы этого не замечаете и не будете испытывать никаких неудобств – до тех пор пока мы не найдем всех людей, которые хотят причинить вам вред (...).

Победа веры

Чтобы отвлечь меня, Дильс переключил тему. Он стал рассказывать о своей работе на процессе по поджогу Рейхстага, который как раз проходил из этой тюрьмы. Суд привлекал к себе внимание во всем мире, о причинах поджога существовала масса самых фантастических версий. Загадку, кажется, разгадали только в наши дни, но тем не менее не все историки согласны с высказанным Тобиасом мнением, которого уже тогда придерживался Дильс.

Если пресса Германии обвиняла в этом преступлении коммунистов, то заграничная более или менее единодушно утверждала, что поджог совершили сами национал-социалисты. Однако вряд ли где-то можно было прочесть, о чем рассказывал в этот вечер господин Дильс, шеф Тайной государственной полиции, который допрашивал главного обвиняемого.

– Странно, – сказал Дильс, – что почти никто не хочет верить в то, что ван дер Люббе совершил поджог сам, без коммунистических подстрекателей. Этот человек фанатик, одержимый. Само собой разумеется, для национал-социалистов выгоднее считать, что поджог был подготовлен коммунистами и ван дер Люббе всего лишь инструментом в их руках.

– Так вы действительно полагаете, что он совершил поджог один?

– Ответ был утвердительным. Тогда я не смогла прийти к определенному выводу – то ли Дильс человек необыкновенно острого ума, то ли его распыляла самонадеянность.

После того вечера мне больше всего захотелось бежать в горы. Но, к сожалению, я должна была смонтировать фильм о партийном съезде. Все же наконец мне удалось это сделать. Часовой фильм получил наименование «Победа веры», это было официальное название пятого партийного съезда НСДАП.

От отдела кино Минпропа, бывшего заказчиком фильма, я получила 20 тысяч марок. Общие затраты на его производство, включая музыку, синхронизацию и мое жалование, составили всего 60 тысяч. Я упоминаю об этом лишь в ответ на нелепые слухи, вновь распространившиеся в последнее время. Так, совсем недавно я прочитала, что Гитлер поручил мне уничтожить негативы и все копии, поскольку в фильме было несколько сцен с Эрнстом Ремом, тогдашним начальником штаба штурмовых отрядов, которого Гитлер 30 июня 1934 года приказал расстрелять. В действительности же эти дубли-негативы и промежуточные позитивы еще после окончания войны лежали в бункере в Берлине и в Кицбюэле. Они были или конфискованы, или вывезены союзниками. Оригиналы негативов, в том числе и «Победы воли», в последние дни войны потерялись во время перевозки в Боцен, где их собирались сохранить от бомбежек. Несмотря на все старания, в том числе и со стороны союзников, исходные материалы разыскать так и не удалось.

Вчера вы заявили, что фюрер будет плясать под вашу дудку

точную ли помощь оказывает Министерство пропаганды.

Я смотрела на Гитлера в полной растерянности: о чем он говорил? Удивившись моей реакцией, он сказал:

– Ранее Министерство пропаганды не проинформировало нас о том, что вы, как я сказал, должны снимать фильм о съезде партии в Нюрнберге?

Я покачала головой. Теперь был озадачен Гитлер.

– Вы ничего не знаете? – возбужденно спросил он. – Это же невозможно. Уже несколько недель назад Брюкнер лично передал мое поручение доктору Геббельсу. Вас не известил об этом?

Мне снова пришлось ответить отрицательно. Гитлер пришел в еще большее возбуждение. Он вызвал Брюкнера и раздраженно спросил:

– Вы не передали мое поручение доктору? Почему не проинформировали фрейлейн Рифеншталь?

При этом он судорожно сжимал кулаки и был вне себя от ярости. Таким Гитлера я еще ни разу не видела. Прежде чем испуганный Брюкнер смог ответить, Гитлер язвительно заметил:

– Могу себе представить, как завидуют господа из Министерства пропаганды этой молодой, талантливой артистке. Они не могут смириться с тем, что столь почетное задание поручается женщине, да к тому же еще артистке, не состоящей в партии.

Я почти умоляла Гитлера, который мало-помалу расслаблялся и успокаивался.

Он посмотрел на меня и произнес:

– Фрейлейн Рифеншталь, не подведите меня. Вам ведь придется потратить всего несколько дней. Я убежден, что только вы обидите художественными способностями, необходимыми для того, чтобы из реальных событий сделать нечто большее, чем просто кинохроника. Чиновники из отдела кино Министерства пропаганды, господину Фангауфу, чтобы обсудить с ним возникшие вопросы, он заявил, что ему ничего не известно. Я чувствовала исходящую от него глубокую враждебность и не стала вступать ни в какие споры. Что мне делать? У меня не было ни оператора, ни пленки. Лучшим решением было бы уехать.

Пока я размышляла и казалась себе совершенно беспомощной, со мной заговорил молодой человек. Это был Альберт Шпеер, архитектор, проектировавший здания для партийного съезда. Он с самого начала был мне симпатичен, и мы сразу нашли общий язык. Когда я рассказала ему о поручении Гитлера и бойкоте Минпропа, Шпеер посоветовал не сдаваться:

– Вы должны попытаться, я помогу вам.

И действительно, ему удалось устроить так, что немедленно прибыл молодой кинооператор. Ему, правда, еще ни разу не доводилось снимать материал для большого фильма, да и была у него всего-навсего переносная камера, но он казался способным – потом это подтвердилось. Его

было ни договора, ни какого-либо письма, из которого бы следовало, что Гитлер поручил мне снимать на партийном съезде фильм. Я предположила, что теперь это будет урегулировано на месте. Лично я там никого не знала. Когда я представилась одному из ответственных лиц Министерства пропаганды, господину Фангауфу, чтобы обсудить с ним возникшие вопросы, он заявил, что ему ничего не известно. Я чувствовала исходящую от него глубокую враждебность и не стала вступать ни в какие споры. Что мне делать? У меня не было ни оператора, ни пленки. Лучшим решением было бы уехать.

Пока я размышляла и казалась себе совершенно беспомощной, со мной заговорил молодой человек. Это был Альберт Шпеер, архитектор, проектировавший здания для партийного съезда. Он с самого начала был мне симпатичен, и мы сразу нашли общий язык. Когда я рассказала ему о поручении Гитлера и бойкоте Минпропа, Шпеер посоветовал не сдаваться:

– Вы должны попытаться, я помогу вам.

И действительно, ему удалось устроить так, что немедленно прибыл молодой кинооператор. Ему, правда, еще ни разу не доводилось снимать материал для большого фильма, да и была у него всего-навсего переносная камера, но он казался способным – потом это подтвердилось. Его

заправка картриджей
264-12-45
визитки, печать фото
www.silver-ink.ru